

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

<i>Глава 1.</i> В лагере Южной Дунайской армии.....	5
<i>Глава 2.</i> Парад — дело серьезное!.....	27
<i>Глава 3.</i> Хитрый план.....	39
<i>Глава 4.</i> Засада.....	50
<i>Глава 5.</i> Ура господину подполковнику!.....	71
<i>Глава 6.</i> Виктория!.....	84
<i>Глава 7.</i> Зимний марш.....	95
<i>Глава 8.</i> Дома.....	110
<i>Глава 9.</i> Пакет из военной коллегии.....	125
<i>Глава 10.</i> Снова в дорогу.....	140
<i>Глава 11.</i> В поместье.....	150
<i>Глава 12.</i> Ваше высокородие.....	160

ЧАСТЬ II. НЕТ НИКОМУ ПАРДОНА!

<i>Глава 1.</i> Фаворит.....	184
<i>Глава 2.</i> Аптекарский остров.....	202
<i>Глава 3.</i> Самый дорогой человек!.....	216
<i>Глава 4.</i> Подарок императрицы.....	223
<i>Глава 5.</i> «Гвардия в походе».....	234
<i>Глава 6.</i> К Суворову.....	252
<i>Глава 7.</i> Конец корпуса генерала Сераковского.....	261

<i>Глава 8. Между сражениями.....</i>	<i>280</i>
<i>Глава 9. Разведывательный поиск у Праги</i>	<i>289</i>
<i>Глава 10. Гвардия, за мной!.....</i>	<i>309</i>
<i>Глава 11. Штурм Праги</i>	<i>319</i>
<i>Заключение.....</i>	<i>335</i>

Часть I

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

Глава 1

В ЛАГЕРЕ ЮЖНОЙ ДУНАЙСКОЙ АРМИИ

— Да бери уже всё, чего ты копаешься?! — Хмурый пожилой каптенармус сдвинул в сторону на деревянной приставке поясной ремень, патронташ на широкой перевязи и кожаные ремни для тесака. — А ну-ка фузею с плеча скинь, дай гляну её!

Семён снял ружьё и протянул его интендантскому унтеру.

— Ух ты, какое антиресное. Не на-ашенское, — протянул тот, с интересом его осматривая. — Клеймо-то здесь каковское, ни разу я ещё такого не видал, — он поковырял ногтем оттиск на казённой части у самого замка. — Цифиры-то да, они понятные, а вот чего тут буквами начертано, никак не уразумею.

— Прусская фузея, при ихнем короле Фридрихе Втором ещё она сделана, — шмыгнув носом, ответил егерь. — Вот тут как раз и прописано по-иноземному, ну а цифиры, они, стало быть, про то, когда она сработана ремесленными была. Мне её год назад капрал мой, Тихон Мухин, во

владение передал, а сам он теперьча с нарезным штуцером ходит.

— Ну-ну, прусская, значит, — уважительно протянул каптенармус, — а я-то смотрю, ну никак на нашу тульскую не похожа. Ладно, чего уж тут говорить, обихожена, смазана. Сколы на прикладе, видать, были, так ты затёр, загладил их. А это тут чего такое? — ковырнул он по заусенцам на стволе.

— Дык это от сабель басурманских, Селантий Иванович, — пожал плечами Семён. — Когда турку на штык брали, маненько поозоровал он, посёк вот дуло, пока не уgomонился.

— Поозоровал, — проворчал неодобрительно ветеран. — Аккуратнее нужно, Шевцов, вещь-то казённая. По замку бы хлестнул, всю механизму мог бы порушить, особенно ежели ятаганом. Ну, чего, теперь только если затирать. Аккуратненько эдак, без дури. Вон, к оружейному Афанасьеву Василию подойдёшь, он тебе и подскажет как. Так, ну а по ремню чего сказать, хороший ремень, послужит он ещё. Войлоком пройдишь, потри его, повохри, значит, обильно, ну и перетопленным ружейным салом с воском потом по верху пройдишь. Вид у него потом не хуже нового будет. И всю эту ременную амуницию тоже так же обиходи, — кивнул он на столешницу. — Старую только потом не забудь сдать, у неё срок ещё не вышел. Это вот вас балуют, которые при посольских будут стоять, меняют всё на новое, а кому-то ведь придётся и сданную брать на донос. Так что в порядок всё приведи. Коли худая она будет, велено её не принимать, а старшему каптенармусу о небрежении сдатчика докладывать.

— Понял я, Селантий Иванович, — кивнул егерь, — сегодня уже не успею. С вечера мне в по-сольский караул вставать. Завтра если только.

— Ну ладно, пушай завтра, — согласился каптенармус. — Только гляди не затягивай. И вот тут на бумаге роспись о получении ставь.

Семён взял лежащее рядом со стопкой листов перо и макнул его в тёмно-зелёного стекла чернильницу. Высунув от усердия язык, вывел на месте галочки три первых буквы своей фамилии.

— О как, даже вкось не пошёл, и без кляксы, — хмыкнул каптенармус. — Видать, хорошо господа офицеры вас грамоте учат. Ладно, ступай, Шевцов, следующего зови. Кто там у нас? — Он глянул в лист и зачитал по слогам: — Баклушин Иван. Пушай заходит. Только не забудь, Шевцов, — старую ременную амуницию завтра до «вечерней зари» от тебя жду!

По всему протяжённому лагерю русской Дунайской армии, стоящей возле Галаца, шла суeta. Роты, эскадроны, отдельные команды, батальоны и полки готовились к проведению парада, назначенного светлейшим князем на послезавтра. Парад — дело нешуточное. От того, как ты своё воинство людям начальственным покажешь, такое и у них к тебе отношение будет.

— Хорошо воевал полк? Пустое! Они у тебя ходить не умеют и строевым экзерцициям не обучены. Плохой полк!

Это все знали. Вот и стоял гомон над военным станом. Полковые командиры накручивали господ офицеров, те давали разнос унтерам, и уже за всё отдувались солдаты.

— Ты чего так долго, Шевцов?! — крикнул от длинного ряда палаток старший ротный унтер. — У нас уже два построения было! Рота ногу устала тянуть в строевой ходьбе, а тебя всё нет и нет! Капитан-поручик пятерым увальням штрафные караулы успел выписать.

— Авдей Никитич, да мне с вечера к посольским шатрам вставать, а на самом параде как бы возле иноземцев пребывать, а не в парадном строю, — оправдывался Семён. — Ну какая там строевая ходьба? Мы же с отделением вроде как при посольстве.

— И чего, что при посольстве?! — нахмурился сержант. — Особенные, что ли, вы такие? Вся рота вона к параду готовится, и вы тоже, значит, давайте. Помимо караульной службы, само собой. А то кто его там знает, вдруг начальство передумает и в общую коробку всех поставит, а ты нам всей шеренге ровный шаг собьёшь! Иди, Шевцов, не болтай, — махнул он рукой. — Мундир вон свой выбей, запылился. Сапоги тоже почисти. Через полчаса у нас опять новое построение будет.

— Ваше высокоблагородие, к вам из главного квартирмейстерства! — донёсся крик Никиты снаружи, и в откинутый полог шатра шагнул молоденький офицер.

— Здравия желаю, господин полковник, прапорщик Кузьмин! — доложил он, пристукнув по мягкой земле каблуками. — Вам письмо от главного квартирмейстера армии генерала-поручика фон Оффенберга, — и протянул Егорову свёрнутый вчетверо листок.

Алексей быстро его развернул и пробежал глазами:

«Полковнику Егорову А. П. быть у меня после вечерней зари вместе с секунд-майором Дементьевым и капитаном-поручиком Осокиным».

Подпись, число, оттиск личной печати.

— Можете быть свободны, прапорщик, — кивнул Алексей и вышел вслед за ним из шатра. — Никита, Никита! — крикнул он, оглядывая ряды шатров и палаток со стоящими подле них группами егерей.

От одной из них отделилась фигура и, топая сапогами, понеслась к полковнику.

— Вашвысокоблагородие, старший вестовой Пешков! — затараторил егерь.

— Никита, — прервал его доклад Егоров, — через четверть часа чтобы у меня в шатре были премьер-майор Гусев, секунд-майор Дементьев и капитан-поручик Осокин. Да, и капралов Мухина Тихона и Лаптева Ивана из отборных стрелков тоже ко мне.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — козырнул вестовой. — Разрешите исполнять?

— Давай, только поторапливайся, — кивнул Алексей и зашёл в шатёр. А снаружи уже слышалось: «Федот, Илюха, — бегом ко мне! Задание срочное от господина полковника есть! Ты, Федотка, к отборным полковым стрелкам бежишь за Лаптевым, а ты, Илюх, — к Беговским в первую роту второго батальона за капралом Мухиным. Я к штабным офицерам. Побегли, время идёт!»

Вскоре в командирском шатре собрались все, кто был нужен.

— Штуцера в кóзлы к боковому столбу ставьте и к столу проходите, — кивнул двум переминающимся у входа капралам полковник. — Смелее, смелее, — подбодрил он егерей, — давай, давай, без стеснения. Вот, рядом с Тимофеем Захаровичем на лавку присаживайтесь.

Подождав, когда все рассядутся, Алексей обвёл всех присутствующих взглядом.

— Господа офицеры, капралы егеря, собрал я вас тут всех для того, чтобы подбить всё, что у нас имеется по тому нашему общему делу, в которое каждый из вас в той или иной степени посвящен. Порученное нам дело — это охрана первых лиц воюющих империй, ведущих ныне переговоры, ну и пригляд за всеми теми, кто рядом с ними обретаётся. Итак, Сергей Владимирович, докладывайте сначала вы общее, а уж потом каждый дополнит сказанное от себя. Потом подобьём всё, что мы имеем, и после ужина вместе с Сергеем Андреевичем и Тимофеем Захаровичем двинем в главное квартирмейстерство.

— Ваше благородие, на посту без замечаний! — доложил поручику старший караульной тройки. — В британских какое-то шевеление, туды-сюды бегают, — кивнул он на стоящие особняком три больших полевых шатра. — Те, которые к ним позавчера приехали, всё чегой-то гремели внутри, а потом уж по лагерю пошли, — и, понизив голос до шёпота, добавил: — Ну-у, и наши особливые люди, которые тут приставлены были, тоже, стало быть, за ними потопали. Прохор поначалу тоже хотел было идти, да вот с нами остался. А я бы, коли можно было, сам бы следом за иноземцами пробежался.

Дуров окинул взглядом стоящего рядом стрелка со штуцером и задал вопрос:

— Вас же вроде для особого пригляда с нами выставили, чего же тогда не пошёл?

— Дык приметно это слишком, ваше благородие, — пожал тот плечами, — мы-то ведь уже примелькались здесь, стоя у шатров. А как за спиной им идти, так они бы меня тогда сразу распознали. Пусть уж квартирмейстерские им в спину дышат, они-то ведь совсем невидные, всё время в тени держатся. Да и не все ведь иноземцы отсель ушли, трое лишь только. А ну как тут другие чего вдруг худое затеют, а пригляда-то и нет, так что я уж лучше постою.

— Ну-ну, тебе виднее, — кивнул поручик. — У ваших капральств особое задание от господина полковника, туда не лезу. Ну а вам внимательней глядеть и не зевать! — нахмурившись, поглядел он на своих караульных. — Если кто к шатрам из чужих будет идти, то пропуск у него спрашивайте. Вы тут лица при исполнении и проверять каждого право имеете. Если что не так, печати нет на бумаге или вдруг потёртая она, сразу капрала кричите, а уж он за мной сразу пойдёт. Пошли дальше, Пахомыч, — кивнул он стоящему рядом унтер-офицеру. — Нам ещё караулы у турецких шатров проверять, а это, почитай, половина от всех выставленных.

Поручик отошёл, а Вершков, чуть задержавшись, приглушённо отчитал Южакова:

— Ты, Ванька, болтаешь лишнего много! Чего там про «следом за иноземцами бы пробежался» лопотал, а?! Какое твоё дело за ними вообще с поста бегать? Твоё — это у британских шатров стоять

и строгий надзор за соблюдением порядка исполнять. А ты чего, никак караульный пост оставить удумал?!

— Дэк я же это так, к слову просто, Иван Пахомович, — испуганно втянул голову в плечи егерь. — Ну как же это можно да караульный пост свой оставить?

— Ну вот и не болтай, значит, по-пустому, дурила, — рявкнул рассерженный унтер. — Разговорчивый ты уж больно в последнее время стал, как я погляжу! Как же, отличился в боях, старшим звена поставили! Рукав левый вон лучше отряхни, обтереться уже где-то успел, барбос! Всё, несите службу исправно, вам три часа ещё стоять! — И, развернувшись, побежал следом за дежурным офицером.

— Вот ведь язык мой — враг мой, — чертыхаясь и отряхивая мундир, бубнил Южаков. — Примечай, Кузька, краткий доклад начальству завсегда больше, чем длинный, нравится. Ты ему хочешь угодить, побольше полезного поведать, а оно видишь, как получается. Ну всё, сбил вроде грязь? — спросил он у молодого егеря.

— Да чисто уже давно, Иван Степанович, — протянул тот.

— А ну-ка тихо вы, отряхивальщики! — вдруг коротко рявкнул Прохор.

Из самого большого британского шатра выскользнул долговязый малый и, прижав под мышкой какой-то свёрток, быстро потопал в северную сторону.

Отборный стрелок окинул взглядом окрестности и, не заметив приставленных из квартирмейстерства наблюдателей, нахмурился.

— Все обормоты за теми троими увязались! Ладно, братцы, делать нечего, я за ним вдогонку, это ведь как-никак цельный секретарь главного англичанина. Ежели меня вдруг долго не будет, доложите начальству.

— Беги, Проша, — согласился Южаков, — а то ведь у него ноги вона какие длинные, словно ходули, не поспеешь за ним, ежели он за тот ряд палаток сейчас зайдёт. Беги, а мы уж сами тут присмотрим.

— Заходите, господа, — адъютант откинул полу шатра, и трое егерей нырнули в хорошо освещённое масляными светильниками и свечами помещение.

— Ваше превосходительство, полковник Егоров, особый полк егерей, — представился Алексей.

— Секунд-майор Дементьев. Капитан-поручик Осокин, — доложились его офицеры.

— Присаживайтесь за стол, господа, — кивнул на лавки фон Оффенберг. — Сейчас ещё Владимир Семёнович с командиром драгун сюда подойдут, и вот тогда начинать будем.

В шатре уже сидели бригадир Баранов, статский советник Лашкарёв, штабной полковник, ещё два знакомых офицера и Митенька Толстой. Алексей подсел ближе к другу. Рядом с ним разместились и его люди.

— Что-нибудь серьёзное? — спросил шёпотом Митю Егоров. — Случилось чего?

— Сейчас сам всё услышишь, — ответил тот приглушённо. — Небось, и сам догадываешься, для чего вызвали?

— Ну так, в общем, — пожал плечами Алексей. — Если по всем собранным судить...

— Потом пошепчетесь, — буркнул фон Оффенберг. — Передайте полковнику Егорову, — протянул он бумагу стоящему рядом адъютанту. — Алексей, здесь приказ по армии, утверждённый главнокомандующим, сам ведь меня просил быстрее с этим решить. Ну так вот, передвижка на освободившиеся места вследствие увечья твоего заместителя одобрена. Секунд-майор Хлебников из командиров батальона на твоего заместителя переведён, на его бывшее место ротный Ширкин назначен, а уж на место ротного — Вестфален. Ну а полуротного ты уж сам там дальше себе приглядывай. Небось, от желающих перевестись из молоденьких прапорщиков и подпоручиков отбоя сейчас нет, ну вот и пользуйся, пока вся армия в одном месте здесь собрана. Потом с этим гораздо сложнее будет.

Полог откинулся, и внутрь шатра зашли полковники Озеров и Остен-Дризен.

— Поручик, выйдите и наружному караулу прикажите, чтобы он более никого сюда не пускал, — кивнул в сторону полога барон. — А дежурному капралу там подскажите, пусть он внешнее оцепление подле шатра усилит.

Адъютант понятливо кивнул и выскочил на улицу.

Генерал подождал, пока рассядутся вошедшие, открыл объёмную папку с бумагами и оглядел всех присутствующих.

— Господа, я смотрю, все на месте. Пожалуй, теперь и начнём. Итак, наша армия сокрушила противника на правом Дунайском берегу, во-

йска генерал-аншефа Гудовича у Кавказских гор, и стало совершенно очевидно, что далее сдерживать нас турки, задумай мы поход за Балканы, не сумеют. Сухопутные войска султана деморализованы и желанием воевать с нами не горят. В Османских провинциях уже второй год идут бунты, казна Блистательной Порты пуста, все государственные дела расстроены, одна лишь надежда на свой флот у Селима Третьего оставалась. Да, да, да, — прищурился он, — это же турки! Вы что же думали, коль они у Галаца переговоры начали, так и всё, выдохнуть можно? Теперь конец всякой войне? Как же! Конечно! Какая уж там, на Кавказе, армянская пословица по этому поводу есть? — повернулся он к статскому советнику.

— Имеешь дело с турком — не выпускай палку из рук, — усмехнулся тот¹.

— Вот-вот, самое то-о! — воскликнул генерал-поручик. — Видно, и матушка императрица с этой пословицей знакома, иначе бы туркам удалось задуманное. Господа, пока мы тут вели переговоры о мире, османы собрали большую эскадру около Стамбула и отправили её в направлении нашего Крыма, намереваясь сжечь там наш, уступающий им числом Черноморский флот, а потом ещё и высадить свой десант на полуострове. Адмирал Ушаков дал противнику решительный бой подле мыса Калиакрия и наголову его разгромил, разметав остатки по всему Чёрному морю. Как передала наша агентура из османской столицы, флагман Ка-

¹ Сергей Лазаревич Лашкарёв родился в Москве, в обрусевшей семье грузинского князя Лазаря Григориевича Лашкарашвили.

пудана-паши в самом жалком состоянии еле смог добраться до Стамбула. Вслед за ним в Константинопольский канал подтянулись ещё шесть весьма повреждённых судов. «Адмиральский корабль тонул и просил помощи», — смаковал фразу из донесения барон. — На берегах Дуная об этом кроме здесь присутствующих знает лишь один светлейший, ну и экипаж того самого галиота, который привёз нам сию радостную весть. Судно, кстати, по указанию князя поставили в дальний затон под карантинный караул, дабы матросы раньше времени не разболтали о морской победе. Так что для турок-переговорщиков вскоре будет ещё один серьёзный конфуз, ну а у нас лишний козырь. Но это всё присказка, а вот теперь, господа, мы переходим к самому главному. Уступки генерал-аншефа Репнина туркам на переговорах процессом князем Потёмкиным признаны в корне неверными. Проект мирного договора, подсунутый Николаю Васильевичу главным драгоманом Порты, светлейший прилюдно изорвал и велел перенести переговоры в Яссы. Послезавтра с утра состоится большой парад, и постепенно все, кто так или иначе вовлечён в дипломатическую работу, будут убывать к новому месту их проведения. И вот тут для нас могут появиться серьёзные угрозы. Сергей Лазаревич, у вас есть что сказать собранным мной офицерам? — повернулся он к статскому советнику. — Может быть, им тоже стоит знать, что же происходит сейчас в высших дипломатических сферах?

Лашкарёв помолчал и заговорил негромким, глухим голосом, тщательно подбирая слова:

— Из европейских столиц в Стамбул идёт поток депеш о поддержке Блистательной Пор-

ты в противостоянии с Санкт-Петербургом. Всё это время турки тянули время в надежде, что на их стороне открыто выступит извечно враждебно настроенная к России объединённая Европа. Главными зачинщиками здесь выступают Британия и Пруссия, весьма обеспокоенные усилением нашей империи. Все остальные страны у них на подпевках и больше лают со стороны, прячась за сильными. Нашей императрице были предъявлены ультиматумы об отводе войск с Дуная. Готовились и сухопутные силы вторжения, и флот для открытия военных действий против нас на Балтике. Но все вопросы нашим дипломатам удалось решить мирным путём, и кризис с западными странами, как нам кажется, в итоге миновал. Поняв, что никто в европейских столицах по-настоящему воевать с Россией не собирается, султан склонен идти на уступки и заключить с нами мир. Вопрос остаётся только лишь в том, на каких условиях, и вот тут уже начинается самое интересное для нас с вами, господа. Турки, как вы и сами знаете, ещё те торгаши, и просто так своё они не уступят. Подогревают их в этом и их союзники, в коих они недостатка здесь в лагере не испытывают. Так что решение его светлости князя Потёмкина Таврического о переносе переговоров на север, в Яссы, я считаю шагом правильным. Не подумайте, что оно было принято им в эмоциях и в горячке. Генерал-фельдмаршал — весьма искушённый в таких делах человек, и тот демарш, который он провёл при оставленном на переговорах главном драгомане Порты князе Мурузе, совершенно не случаен. Уж слишком резко турки начали отыгрывать для себя ранее утраченные позиции. А позиции-то